

Сов. писатель

21 июля 1978 г. № 58 (5170)

На соискание Государственной премии СССР

Рассказ об огненных годах

Есть два рода художественных произведений. Одними, по моим представлениям, можно угощать друзей, как отличными пирожными и превосходным шоколадом. Другая распыляются в улыбках, но от неумеренного употребления такой пищи может возникнуть ожирение души.

Есть произведения другие — горькие, как хина. Тот, кто отведал их, не выражает наслаждения на своем лице. Но, как хина малярия, горечь их лечит и предупреждает многие недуги духа. Я убежден, что повесть «Клавдия Вилор» Даниила Гранина относится к литературе именно такого плана. Не знаю ощущения других, но мне читать ее было порой невыносимо трудно, а, дойдя до конца, я почувствовал себя принявшим полезнейшую психологическую процедуру.

Причина, очевидно, заключается в том, как Даниил Гранин передает душевное состояние своей необычайной героини. Героических женщин, подобных Клавдии Денисовне Вилор-Покровской, и в дни

гражданской, и в годы Великой Отечественной войны было множество, и ее личная судьба, может быть, и не выделяется среди тысяч других. Но Клавдия Вилор во всем этом уже известном и еще неведомом множестве — это особая, отличная от каждой из этих других личность — неповторимая и индивидуальная.

Очень правильно, как летописец войны, как баталист-психолог поступает Гранин, когда ненастойчиво и мягко проецирует образ Клавдии Вилор на лично им увиденные во время Великой Отечественной войны образы комиссаров и политработников мужчин, живущих в памяти Гранина-танкиста, Гранина-бойца.

Нет, это не случайное попадание в цель одной пулей из щедро расстрелянной обоймы литературных зарядов. Повесть написана прицельно — глубоким психологом, одинаково чувствующим и состояние души Клавдии Вилор, и сознание современного читателя. Писатель, вольно или невольно, поставил перед собой задачу вскрыть соотноше-

ние общего и индивидуально-го в чертах воинов 1941—1943 годов. «История Клавдии Вилор открыла мне возможности человеческой души, о которых я не подозревал и которые поэтому хочется приобщить к портрету воина Великой Отечественной войны», — пишет Д. Гранин.

Это стремление уловить и изобразить новые черты человеческих душ заставило писателя искать и новые, порой еще не испытанные донные литературные приемы в обрисовке образа. Такова, например, прямая доверительная беседа с читателем, порой открытый ввод его, читателя, в свою творческую лабораторию. Читатель имеет возможность наблюдать, как Гранин углубляется в поиски уже не правдоподобия только, а абсолютно точной достоверности в изображении событий, что позволяет нам проследить шаг за шагом трагический и величавый проход маленького политрука К. Вилор по тылам армий генерала Паулюса.

На страницах повести прослежен отрезок человеческой

жизни, не превышающий полутора лет. Но эти месяцы — тяжелый период в жизни героини — побои, ранения, пытки, издевательства над человеком... Даниил Гранин не щадит читателей; он ведет себя по отношению к ним с той же необходимой жестокостью, с которой вела себя даже по отношению к детям и старикам, погибавшим под пятою зондеркоманд и эсэсовских комендатур, сама Клавдия Вилор в 1943 году, требуя от русских людей полного саботажа врага.

Писатель Гранин не щадит и своей героини, когда через много лет снова ведет ее теми же степными балками, где тащилась когда-то она в отрешенных злой нищеты.

Даниил Гранин написал эту повесть на предельной честности и открытости перед читателем. Именно поэтому и родилось произведение, которому, несомненно, суждена долгая жизнь.

Лев УСПЕНСКИЙ.
ЛЕНИНГРАД.